

Миниатюрная женщина вошла через чугунные ворота в старинный двор-колодец и, оставляя маленькие следы на пушистом свежевывавшем снегу, подошла к двери второго подъезда.

Быстро присев на корточки, стала лепить снеговичка.

«Славный снежок», – подумала довольюно.

Вытерла перчаткой покрасневшие от снега руки и позвонила в двадцать первую квартиру.

Её встретила дочь, высокая крашенная блондинка. Во взгляде на мать не было радости, словно почтальону дверь открыла.

Зато внучка стояла, притопывая ножками и дрожа от счастья при виде бабушки.

Во внешности молодой женщины и ребёнка не было ничего общего. Если маму можно было назвать красивой еврейкой, то полуторагодовалая девочка была очаровательным ангелом с мягкими славянскими чертами личика.

– Ты что, ненормальная!? – громко сказала дочь своей маленькой матери. – Почему у тебя на носке опять дырка?

– Да ладно тебе, Оленька, – хотела отмахнуться с улыбкой та.

– Немедленно сними эти носки! – потребовала дочь. – Мой ребёнок не должен видеть убожества.

– Ну, хорошо, хорошо.

Маленькая женщина торопливо сняла носки и сунула их в карман старой шубки.

У внучки прекратилась радостная дрожь, и теперь она испуганно смотрела на свою мать.

– Ах, Оленька! – воскликнула маленькая женщина. – Что это на личике и ручке у Кристины?

– С кровати упала, – резко ответила дочь.

Женщина замолчала в недоумении.

Дочь подхватила ребёнка на руки, бросив матери через плечо:

– Мы на кухню.

Маленькая женщина, подняв с полу свой тяжёлый пакет с гостинцами, понуро пошла за ними.

Круглый стол был уже накрыт к завтраку: зелень, орехи, сыр.

– Кофе я только что сварила, – сказала дочь.

Маленькая женщина обратилась к внучке.

– А что я тебе принесла!

И с этими словами достала силиконовую яичницу-глазунью и две сосиски, тоже силиконовые.

– Будешь кукол своих угощать, Кристиночка!

– Ты действительно ненормальная, – опять рассердилась дочь. – Мы же с Кристиной вегетарианцы. Она никогда не видела этой гадости и не поймёт, что с ней делать.

– А я вам перцы фаршированные принесла, вегетарианские! – примирительно объявила мать.

– Ладно, садись к столу, – смягчилась дочь. – Через час выезжаем.

Надо ещё подсчитать, сколько ты мне должна.

– А сколько я должен? – прозвучал вдруг весёлый мужской голос.

Маленькая женщина и её внучка вздрогнули.

В проёме двери стоял высокий молодой человек.

– Здравствуйте, Лариса Ивановна, не узнаете? – сказал он.

Та изумлённо округлила свои большие голубые глаза.

– Как же... – обронила она и покраснела.

Ольга криво усмехнулась, увидев это.

– Толя, – обратилась она к мужчине. – Кофе сам себе свари. Мы спешим.

Он кивнул и молча стал насыпать кофе в турку, стоявшую на плите.

– А вы здесь какими судьбами? – тихо спросила Лариса Ивановна.

– Попрощаться с Олей приехал.

– Вы же давно попрощались...

– Она, может, и попрощалась, а я вот медлил.

С этими словами он налил себе кофе в чашечку.

– Оля, можно немного сыра? – спросил, сделав глоток.

Оля кивнула, но не передала тарелочку, хотя та стояла перед ней.

Анатолий посмотрел на молодую женщину вскользь и обратился к Ларисе Ивановне.

– Так вот, я, наконец, решил жениться и приехал попрощаться с Олей.

– Вы по-прежнему в Москве? – глядя на его загорелые руки, спросила несостоявшаяся тёща.

– Не совсем. Приобрёл загородный дом. Небольшой, но надёжный. Разбил сад... Дважды в год уезжаю в Черногорию. Там тоже обзавёлся недвижимостью.

Дочка Ольги захныкала.

– Что, Кристиночка? – живо спросила бабушка.

Та подняла ножки на стол.

– На стол хочешь? – спросила Ольга.

Девочка радостно засмеялась.

Мать поставила её на стол.

Девочка сделала шагок между вазочек, тарелочек и задела чайную чашку бабушки.

Горячий чай обжёг ножку.

Кристина вскрикнула от боли.

Ольга подхватила ребёнка, бросив матери резко:

– Раззява!

Анатолий бесстрастно наблюдал за ними.

Ольга с ребёнком ушла в ванную.

Бабушка хотела было пойти за ними, но Анатолий посоветовал:

– Сидите!

И тут же спросил:

– Как вы поживаете, Лариса Ивановна?

– Работаю, – вздохнула она. – Строю Оленьке кооперативную квартиру.

– А эта? – Анатолий обвёл глазами кухню, оснащённую всеми видами бытовой техники.

– Эта... – она не успела закончить. Вошла дочь с Кристиной на руках и продолжила за мать:

– А это квартира однокурсника. Я попросила его помочь, когда муж выбросил меня с двухмесячным ребёнком на лестничную площадку.

– Подержи, пожалуйста, Кристиночку, – протянула она дочку Анатолию. – Я тебе отличный кофе сварю сейчас!

– Оля, мы же опаздываем, – заикнулась было мать.

Оля сверкнула в её сторону глазами и стала засыпать кофейные зёрна в кофемашину. Турку она демонстративно засунула в посудомойку.

– На чём мы остановились? – спросил Анатолий Ларису Ивановну, неловко держа девочку у себя на коленях.

– Вы купили недвижимость, в Черногории...

– Ну да. И там я познакомился с Василисой. Она тоже москвичка, отдыхала там.

– Тебе, как раньше, три ложки сахара? – прервала его Ольга.

– Одной достаточно, – ответил Анатолий.

– Я тебе к кофе дам сыр «Маасдам» и вяленую тайскую дыньку. Очень необычное сочетание вкусов!

– Спасибо, – без улыбки ответил он. – Выпью кофе и в путь. Я ведь едва час выкроил, чтобы к тебе заехать.

– Поедем с нами, – предложила Ольга.

– Оленька, – полушёпотом позвала мать.

– Мы же ни о чём не поговорили, – не обращая на неё внимания, сказала та гостю.

Анатолий не отрывал чашечку от губ.

– Замечательный кофе! Давно так варишь?

– Я в азербайджанской кофейной компании работаю, там научили, – довольно улыбнулась хозяйка.

– Моя жена, ну, почти жена, тоже хорошо готовит кофе.

Анатолий поставил на стол пустую чашечку.

– Так! – ударила ложкой по краю стола Ольга. – Мама, мы будем торчать в пробках вечность! Сегодня же суббота!

– Ну так... – начала растерянно Лариса Ивановна.

– Собирай Кристину, я ещё с Анатолием поговорю.

– Спасибо, Оля, – поднялся из-за стола гость. – Не буду вас задерживать. И мне пора.

Ольга первая метнулась к входной двери.

Остановилась там с натянутой улыбкой.

Надев кепи, Анатолий кивнул в сторону полки шкафа, где лежал его букет цветов.

– Надо бы в воду, наверно, поставить.

– Да, да, конечно, – согласилась она, сжимая пальцы рук.

– Всем хорошего отдыха! – громко произнёс гость, обращаясь в глупину квартиры.

Ему не ответили. Лариса Ивановна суетилась в спальне, собирая необходимые вещи для внучки.

– Рад был тебя увидеть, – улыбнулся Анатолий Ольге. – Счастливо оставаться!

Она, закусив нижнюю губу, молча, до боли сжимала пальцы рук.

Гость закрыл за собой дверь, оставив запах дорогого дезодоранта.

Ольга стремительно пошла в спальню.

Нет, её не интересовало, что там делали бабушка с внучкой. Из окон спальни хорошо просматривался двор. Она успела увидеть, как Анатолий сел в свой чёрный «Рендж Ровер».

– А ворота закрыты! – встрепелась она. – Где же пульт?

Но тут вдруг увидела, что во двор въехал белый «Лексус» соседки.

Анатолий вышел из своей машины, что-то произнёс, очевидно, попросил пока не закрывать ворота.

Соседка, откинув со лба густую прядь волос, приветливо улыбнулась ему.

Лариса Ивановна тоже наблюдала за Анатолием из второго окна спальни.

– Ни разу не оглянулся на твои окна, – задумчиво сказала она.

– А тебе это важно?! – крикнула Ольга.

Мать, взяв пакет с вещами, повела за ручку Кристину в коридор.

– Оля, мы подышим свежим воздухом во дворе. А то ведь ребёнок несколько часов будет находиться в машине.

Дочь не ответила. Она продолжала смотреть в окно на уже опустевший двор.

Кристина, выйдя из подъезда, захлопала в ладошки и счастливо засмеялась, когда увидела снеговичка, почти у самого порога. Она ещё не знала, что его слепила бабушка.

Из подъезда вышла Ольга, в белом пуховичке, с распущенными волосами.

«Какая у меня красивая дочь», – с нежностью подумала Лариса Ивановна.

– Мам, пошевеливайся! – поймала на себе её взгляд Ольга.

Потом, в машине, выехав на Лермонтовский проспект, добавила с усмешкой:

– Знаю, жалеешь, что не стать тебе тёщей олигарха.

– Он же не олигарх.

– Но может стать им. Уже богатеет на глазах! А нам с тобой ещё необходимо подсчитать расходы на отдых в санатории. Я на тебя изрядно потратилась.

Мать опустила глаза. Потом спросила:

– Он тебе что-то подарил?

– Да, – помедлив, ответила дочь. – Цветы.

И поморщилась.

– Я так и не поставила их в воду.

Лариса Ивановна улыбнулась сама себе, подумав: «Отдам ей подарок Анатолия попозже, когда успокоится».

В её сумочке лежало ценное письмо от него. Письмо пришло на её адрес и на её имя. Очевидно, Анатолий не был уверен, что Оля, как раньше, живёт на улице Кораблестроителей. Ведь прошло пять лет.

В письме он здоровался только с Ларисой Ивановной. В приложение была банковская карта, с указанием кода, на имя Дроздовой Ольги Валерьевны. Карта была вложена в маленький конвертик с надписью «Оленьке Дроздовой».

Они выехали на Троицкий мост.

Лариса Ивановна, глядя в окно на резные перила моста, спросила дочь:

– Анатолий сентиментальный человек?

Дочь хмыкнула.

– Бизнесмен не может быть сентиментальным.

Мать светло улыбнулась.

– Хочешь, я тебе за десять секунд докажу, что он сентиментальный и продолжает любить тебя?

– Ну? – насмешливо спросила Ольга.

Лариса Ивановна достала из сумочки маленький конвертик.

– Да, очень сентиментально, – прочитала дочь вслух: «Оленьке! Дроздовой!» А я уже давно Князева!

Она выхватила из пальцев матери конвертик, открыла окно и вышвырнула бумажный квадратик на дорогу.

– Оля! – громко закричала мать.

– Не ори, – сказала дочь. – Кристину разбудишь.

Лариса Ивановна, со слезами на глазах, оглянулась на заднее сиденье, на спящую в детском кресле внучку.

– Сегодня он ко мне появился со цветами благодаря тебе, да? – враждебно спросила дочь. – Откуда бы ему знать этот адрес?! Может, ты с ним все эти пять лет переписывалась, а?! Ну да, ему же, безродному детдомовцу, материнского тепла не хватало. Ты с зятем законным так не общалась! Этот вылез из грязи в князи, сентиментальные записочки шлёт. А ты мне решила их передавать!

Лариса Ивановна молча смотрела за окно. Она твёрдо решила никогда не говорить дочери о содержимом маленького конверта.